

МОСКОВСКИЕ КНЯЗЬЯ ПЕРИОДА ДИНАСТИЧЕСКИХ ВОЙН ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XV в. В ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОМ И НЕЗАВИСИМОМ ЛЕТОПИСАНИИ (ГАЛИЦКАЯ ВЕТВЬ)

Анализируются известия независимого и официального русского летописания второй половины XV в. о династических войнах между представителями московского княжеского дома. Основное внимание уделено наиболее известным представителям так называемой галицкой ветви московских князей, их личным характеристикам и военно-политической деятельности. В результате обращает на себя внимание неоднозначность информации, даже содержащейся в официальных летописях. Сделаны выводы о необходимости пересмотра устоявшихся в науке оценок данных событий и предположения относительно их возможных трактовок.

Ключевые слова: Северо-Восточная Русь XV в.; межкняжеские отношения; галицкие князья; династические войны; русское летописание XV в.

Династические войны 2-й четверти XV в. – один из ключевых эпизодов отечественной истории. Его изучение за прошедшие 200 лет привело к формулировке ряда априорных утверждений, не опирающихся на источники. Проблема эта свойственна изучению русской и истории XIV–XV вв. в целом, на что уже было обращено внимание исследователей. Впрочем, не особенно результативно, если говорить о реакции научного сообщества. Так, А.Е. Пресняков в своей известной монографии рассуждал об иллюстративной функции источников в трудах историков XIX – начала XX в. и о произвольном их отборе [1. С. V]. М.Д. Приселков прямо говорил о потребительском отношении к источникам [2]. Я.С. Лурье провел самый общий обзор доступной летописной информации об основных проблемах русской истории XV в. и указал на необходимость пересмотра выводов и оценок, закрепившихся в отечественной науке [3].

Наблюдения критически настроенных исследователей, формально поддержанные, фактически не получили широкой поддержки. Между тем даже летописи XVI в. не позволяют просто согласиться с «классической» точкой зрения на процессы, происходившие в Северо-Восточной Руси. В данном случае будут рассмотрены показания летописей XV в. и на их основании проанализированы образы трех галицких князей – бывших оппонентов Василия II Васильевича в борьбе за великое княжение. В историографии существует своего рода коллективный образ целой ветви московской княжеской семьи – Юрия Дмитриевича Звенигородского и его сыновей (Василия Юрьевича Косого и Дмитрия Юрьевича Шемяки), которых принято называть галицкими князьями. Их всех вместе так или иначе противопоставляют Василию II Васильевичу, которого всегда именуют «великим князем», что не совсем верно, поскольку по меньшей мере двое из так называемых «галицких князей» могут с полным основанием носить титул князей великих. Традиция такой бинарной оппозиции возникла в конце XV в. в летописании времен Ивана III. Политическая подоплека вполне понятна. Менее логически обосновано использование такой схемы в трудах исследователей, не пытавшихся отрицать тот очевидный факт, что все эти князья – московские, что делает их деление на удельных и великих в известной мере необоснованным.

Летописи, дающие информацию по изучаемому вопросу, могут быть разделены по уже устоявшемуся критерию на великокняжеские и «независимые» [3, 4].

К числу первых относятся Симеоновская [5], Вологодско-Пермская [6] и Никаноровская [7] летописи, из которых первая восходит к своду 1479 г., а две другие к своду 1472 г. [4]. Вторую группу составляют Новгородская первая [8] и Новгородская четвертая [9], Софийская первая [10], Псковская первая [11] летописи, Летопись Авраамки [12], Устюжский летописный свод [13] и Тверской летописный сборник [14]. Помимо этого, использовались летописи, содержащие фрагменты северно-русского монастырского летописания, – Львовская [15] и Ермолинская [16]. Эти тексты, составленные за пределами Московского княжества, хотя и подвергнутые последующему редактированию, касаются истории Москвы не систематически, но дают оценку событий часто незаинтересованную. Если политический интерес есть, как в случае с Тверским летописным сборником, то трактовка событий и их детали отличаются от того, что можно увидеть в московском летописании.

Первое по хронологии упоминание о князе Юрии Дмитриевиче Звенигородском помещено в великокняжеских летописях. Он выступает как руководитель московских войск в походах на Новгород в 1393 г. и на Булгар в 1399 г. В первом случае он делит руководство ратью с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским, который являлся основным руководителем походов при великом князе Дмитрие Ивановиче, во втором походе Юрий единственный упоминаемый военачальник [5. С. 141–142; 6. С. 164]. В 1417 г. именно ему было поручено организовать поход на Двину [13. С. 71]. На основании этих упоминаний можно сделать вывод о его исключительном статусе по сравнению с другими младшими братьями великого князя Василия I Дмитриевича. Данное предположение подтверждается и текстами договорных грамот конца XIV – XV в., в которых второй сын великого князя Дмитрия Ивановича упоминается отдельно от «братья меньшей» – князей Петра и Андрея Дмитриевичей [17. № 13. С. 37; № 19. С. 52, 55], из чего можно сделать вывод о соблюдении московскими князьями положения духовной грамоты великого князя Дмитрия Ивановича о передаче великого княжения следующему по старшинству брату.

С начала XV в. Юрий Дмитриевич Звенигородский и Галицкий уже не появляется на страницах летописей, что позволяет нам принять предположение А.Е. Преснякова о враждебных отношениях звенигородского князя с Василием I по меньшей мере с 1401–1402 гг. [1. С. 382–383]. В дальнейшем второй сын Дмитрия Ива-

новича упоминается в источниках лишь в 1425 г. в связи со спором о великом княжении. Описание конфликта в великокняжеском летописании Ивана III, да и в более позднем – XVI в., явно указывает на отсутствие новизны в сути конфликта. Речь идет о столкновении дяди с племянником, что было в средневековой Руси обычным явлением. Ни одна из летописей не рассуждает о правах претендентов на великое княжение.

Известие о миротворческой миссии митрополита Фотия, помещенной в официальные летописи, не столько доказывает спорность прав Юрия, сколько отсутствие таковых у Василия II. Согласно великокняжеским летописям московские бояре и вдовья великая княгиня отправляют в Галич в качестве посредника Фотия. Причем в разговоре митрополита со звенигородским князем прозвучала идея недопустимости кровопролития в междоусобной войне, и не более того [5. С. 168; 6. С. 184]. Других аргументов глава церкви, да и составители летописей не предъявляли. Но последние постарались создать негативно окрашенный эмоциональный образ удельного князя, обвинив его в гордыне. Юрий Дмитриевич якобы был наказан мором за нежелание покориться митрополиту и молодому великому князю в 1425 г. [5. С. 168; 6. С. 184; 7. С. 100]. Те же летописи упоминают мор и в 1426 и в 1427 гг. без всякого политического контекста [5. С. 168–169; 6. С. 185; 7. С. 101]. Сама легенда о начале мора в Галиче как наказания князя за гордыню служила маскировкой провала миссии митрополита. Все перечисленные детали подчеркивают отсутствие у оппонентов Юрия Звенигородского аргументов по существу. Следовательно, под вопрос можно поставить предположение о «новом порядке наследования великого княжения». На это же, по замечанию Я.С. Лурье, указывает и молчание новгородских и псковских летописей о вокняжении Василия Васильевича после известия о смерти великого князя Василия I Дмитриевича [3. С. 73, 86; 8. С. 415; 9. С. 432; 11. С. 35; 12. Стб. 177].

В качестве свидетельства в пользу того, что в первой четверти XV в. не было «старой» и «новой» традиции наследования, могут быть использованы известия о смерти Ивана Васильевича, второго сына великого князя, в 1417 г. Софийская I [10. С. 337] и Вологодско-Пермская [6. С. 180] летописи называют усопшего просто «князем» без эпитета «великий» и только в Симеоновской, восходящей к великокняжескому своду 1479 г., он назван «великим князем Нижнего Новгорода» [5. С. 163]. Если духовные грамоты Василия Дмитриевича демонстрировали намерение этого великого князя передать великое княжение своим детям, как это сделал его отец [17. № 20. С. 56; № 21. С. 58; № 22. С. 61], то летописи позволяют полагать, что до 1479 г. мысль о легитимности такого действия общество не посещала. Интересно, что свод, составленный по распоряжению Ивана III в 1472 г., когда еще был жив его второй брат, не называет сына Василия I великим князем, а летописный свод, составленный после смерти Юрия Дмитриевича, – называет. То есть добавление титула есть результат политической конъюнктуры конца XV столетия. Более того, если во втором завещании, составленном в 1417 г., Василий I определенно высказывается о сыне Василии как наследнике великого княжения, то в третьем 1423 г.

видим только возможность великого княжения его сына [17. № 21. С. 58; № 22. С. 61].

После 1425 г. оба князья-претенденты находились во враждебных отношениях. В 1428 г. произошло примирение. Мир продлился до 1430 г. Но даже этот мир был весьма условным. Под 1429 г. в великокняжеских летописях упоминается поход татар на Галич. Среди князей, противостоящих набегу, Юрий Дмитриевич назван не был [5. С. 170; 6. С. 186]. Но Софийская I летопись и Устюжский летописный свод совершенно определенно указывают на то, что татары пришли на Галич «на князя Юрья» [10. С. 263; 13. С. 74]. В любом случае его братья, возглавляющие русские силы по поручению Василия II, не успели за татарами [5. С. 170; 6. С. 186; 7. С. 102]. Если Юрий Дмитриевич по какой-либо причине не мог отразить нападение самостоятельно, то нерасторопность войск великого князя вполне могла быть причиной разрыва в 1430 г. Однако Устюжский летописный свод свидетельствует об успешной обороне Юрия в Галиче и о том, что он отправлял своих бояр в погоню [13. С. 78]. О помощи великого князя здесь нет ни слова. Как бы в действительности ни складывалась ситуация с набегом и его отражением, галицкий и звенигородский князь не мог рассчитывать на договор, заключенный с племянником. Но в данной ситуации более интересно то, что летописи молчат о Юрии. Во-первых, он, безусловно, отличался полководческими способностями; во-вторых, речь идет о нападении на его город, и он загадочным образом не упоминается в большинстве летописей как участник обороны. Объяснить это можно только желанием летописцев или заказчика летописи скрыть невыполнение великим князем своих обязательств и умолчать о вкладе в отражение вражеского нападения князя Юрия Звенигородского.

События 1431–1432 гг. привлекли внимание практически всех летописцев Руси. Но произошедшая в это время поездка князей в Орду и ее исход описаны, как известно, с серьезными расхождениями. Так, Новгородская I, Новгородская IV летописи свидетельствуют о безрезультатности поездки: «Выидоша князи Рустии без великого княжения» [8. С. 416; 9. С. 433; 12. Стб. 178]. Псковская I-я сообщает о своеобразном результате. Здесь оба князя названы «великими» при возвращении из Орды [С. 40]. Более того, источники проливают свет на восприятие ситуации современниками: «Того же лета ходиша князи Рустии в Орду, Юрьи Дмитриевичь, Василей Васильевичь» [8, С. 416; 9. С. 433]. Оба они не названы еще великими, но при этом поименованы в порядке старшинства. На основании именно такого критерия для перечисления претендентов на великое княжение можно сделать вывод о том, что с точки зрения современников-летописцев имел больше оснований ожидать решения дела в свою пользу.

Впрочем, исследователи, ссылаясь на дублированную годовую статью, полагают, что Василий II все же получил великое княжение [3. С. 88; 18. С. 753–754]. Подтверждает эту точку зрения и факт передачи Дмитрия Юрию, привязанный в великокняжеском летописании к получению Василием Васильевичем старшинства, и для окончательного вывода необходимо проанализировать тексты новгородских летописей допол-

нительно. Разумеется, иная картина в великокняжеском официальном летописании, но и здесь присутствуют косвенные свидетельства того, что звенигородский князь не был ни защитником «старинны», ни чужим для Москвы князем.

В данном случае не столько имеет значение употребление титула «великий князь» (коль скоро здесь отражена точка зрения победителей), сколько аргументация Ивана Дмитриевича Всеволожского, отстаивавшего интересы Василия II во время поездки в Орду. Воздействуя на окружение хана, боярин обратил внимание знати на то, что в случае передачи великого княжения Юрию, в Орде, во вред им, может чрезвычайно усилиться Тегиня, приближенный Улу-Мухаммеда, поддержавший звенигородского князя [5. С. 171–172; 6. С. 187–188]. Самому хану московский боярин, если верить летописи, заявил, что Юрий Дмитриевич хочет получить великое княжение по грамоте отца, а его оппонент – по царскому пожалованию [5. С. 172; 6. С. 188]. Здесь мы вновь не видим никаких ссылок на какой бы то ни было «новый порядок» наследования. Доводы о том, что Василий Васильевич желает занять великокняжеский стол «по отчеству и дедству», в данном случае есть не что иное, как просто слова. Юрий Звенигородский так же претендовал «по отчеству (великий князь Дмитрий его отец) и дедству (великий князь Иван II его дед)».

Под 1433 г. официальные летописи упоминают о конфликте И.Д. Всеволожского с Василием Васильевичем из-за отказа последнего жениться на дочери боярина-благотелья [5. С. 172; 6. С. 188]. Если мятежный аристократ считал себя в праве требовать такого брака, следовательно, его помощь великому князю представляла собой что-то исключительное. С другой стороны, отказ от брака позволяет допустить, что И.Д. Всеволожский если и произносил приписываемые ему речи, то результата они не достигли. На основании наблюдений над текстами официальных летописей можно сделать вывод о наличии одной традиции наследования великого княжения на момент поездки князей в Орду.

Дальнейшие события подтвердили правоту независимых летописей. В 1437 г., когда Улу-Мухаммед, к которому князь ездил на суд, будучи изгнанным из Сарая, просил разрешить ему остаться в г. Белеве до возвращения в Орду, Василий Васильевич отправил против него войско во главе с детьми Юрия [5. С. 188–190; 6. С. 192–193]. Маловероятно, что великий князь стал бы так поступать в отношении поддержавшего его хана, но в отношении «царя», не принявшего никакого решения, это вполне возможно.

Следовательно, у звенигородского князя были все основания решать вопрос силой оружия в ситуации, когда другие меры не принесли никаких результатов, что он и сделал в 1433 г. Характерно, что северные летописцы не заинтересовались событиями этого года в Московском княжестве, видимо, потому, что вопрос о великом княжении на этот раз не был решен окончательно. Официальные летописи конца XV в. винят в начале конфликта И.Д. Всеволожского: «Тоя же зимы Иванъ Дмитриевичъ отъехалъ съ Тфери въ Галичь къ князю Юрию Дмитриевичю и начать подговаривати его на великое княжение» [5. С. 172; 6. С. 189; 7. С. 103–

104]. Такой пассаж вполне логичен, учитывая цели летописцев. Если Юрий начал конфликт не по своей инициативе, значит, он должен был понимать отсутствие у него прав на престол, и только внешний импульс подвиг его на продолжение борьбы. Впрочем, это может быть и попыткой оправдать Василия II в связи с ослеплением по его приказу упомянутого боярина в том же году.

Передача Юрием Дмитриевичем в удел племяннику Коломны вполне соответствовала традиционным представлениям своего времени, этот город, как известно, был по традиции уделом старших сыновей в московской княжеской семье и должен был в любом случае остаться у Василия Васильевича. Дальнейший отъезд служилых людей из Москвы в Коломну был вызван, по-видимому, тем, что приехавшие с галицким князем бояре «засели» тех, кто служил Василию II, лишившись своих мест, последние отъехали к своему князю, в соответствии с имевшимся у них правом. Вполне вероятно и то, что отъезд был связан с активностью И.Д. Всеволожского, представленного в качестве активного врага Василия II и его бояр. Вскоре этот боярин будет ослеплен по приказу своего бывшего князя, и повторное вокняжение в Москве Юрия не вызовет отъезда служилых. Противопоставление же «московских» и «галицких» князей, которым бояре и дворяне «служить не повидали», есть идеологическая конструкция времен Ивана III. С.Б. Веселовский обратил внимание на то, что поведение аристократии в период династических войн не всегда вписывается в существующую схему [19. С. 513–515]. События 1434 г. всеми летописцами отмечены как вполне законное вокняжение Юрия Дмитриевича. Конфликт, который привел к такому исходу, в независимых летописях описывается благоприятно для Юрия, который, возможно, уже и не преследовал цели еще раз изгнать с великого княжения своего племянника через год после первой неудачи. Так, Псковская 1-я летопись утверждает, что Василий Васильевич напал на дядю «через мирную руку и правду» [11. С. 42]. Великокняжеское летописание и летописи XVI в. осторожно оправдывают Василия II тем, что он совершил нападение «слыша измену» князя Юрия [5. С. 174; 6. С. 190]. В Псковской 1-й летописи, кроме всего прочего, обращает на себя внимание то, что оба соперника в конфликте 1434 г. названы просто «князьями», что, по меньшей мере, ставит под сомнение статус Василия [11. С. 42].

Великокняжеское достоинство Юрия с момента возвращения в Москву никем не отрицалось. Повествуя о смерти звенигородского князя, новгородские и псковские летописи констатировали: «Того же лета преставися князь велики Юрьи Дмитриевичъ» [8. С. 417; 9. С. 434; 11. С. 42; 12. С. 179]. Великокняжеские летописи, конечно же, осторожнее формулировали титул князя, севшего на стол в Москве, по крайней мере, делали это и без эмоциональных оценок и характеристик. Составитель Вологодско-Пермской летописи, судя по общему тону, скорее симпатизирует Юрию, чем его племяннику, который Галич сжег и «много зла» сотворил, только потому, что «слышал» про измену дяди, якобы поддержавшего своих сыновей в нарушение договора [6. С. 190]. Симеоновская летопись, напротив, определенно обвиняет Юрия и поддерживает

Василия II [5. С. 174]. Последствия конфликта оба источника описывают, выражаясь современным языком, политкорректно: Юрий «седе на великом княжении», но великим князем при этом называют Василия Васильевича [5. С. 174–175; 6. С. 190–191]. В упомянутых нюансах летописных известий можно вновь увидеть влияние политической ситуации. Свод 1472 г. более лоялен Юрию Звенигородскому, чем Свод 1479 г.

Что касается детей Юрия Дмитриевича, то они различным образом оценивали ситуацию в 1434–1436 гг. и не представляли в это время единой силы. Можно предполагать, что у них не было общих претензий к двоюродному брату, но после смерти великого князя (в этом его статусе, вопреки историографической традиции, сомневаться не приходится) Юрьевичи повели себя по-разному. Можно предположить, что именно оскорбление на свадьбе великого князя подвигло Василия Юрьевича Косого пренебречь традицией. Объяснять его действия пренебрежением к старине, как это сделал С.М. Соловьев [20. С. 434], не представляется возможным, поскольку большая часть его военной активности, направленной против великого князя не имела шансов на успех без поддержки братьев. Следовательно, у старшего из Юрьевичей были свои причины идти в конфликте до конца, как и у Василия II. Ослепление противника едва ли было на тот момент нормой политической борьбы на Руси.

Информацией о причинах конфликта, имевшего место в 1434–1436 гг., мы не располагаем. Василий Косой бежал из пожалованного ему Дмитрова в Новгород, что уже стало своего рода традицией для князей, терпящих неудачу в борьбе за великое княжение. Не известно, какого рода помощи он ожидал от новгородцев, но ушел явно недовольный, пограбив в качестве мести новгородские волости [8. С. 417; 9. С. 434]. Странно, но великокняжеские летописи о поездке этого князя в Новгород умалчивают или, если быть более точным, упоминают другой маршрут движения – из Ржевы через Бежецкий Верх в Кострому [5. С. 175; 6. С. 191]. О причинах такого разночтения можно только догадываться.

Что касается свирепого характера Василия Юрьевича, его свидетельством принято считать обозначенные летописями убийство боярина Морозова, грабеж новгородских земель (о котором молчит официальное летописание Ивана III) и расправы в Устюге после его шестинедельной обороны. Такого рода действия не могут считаться чем-то выдающимся в свое время. Не меньше жестокости можно увидеть и со стороны Василия II, хотя официальные летописи описывают эти действия как достойные либо нейтральные в нравственном плане [5. С. 174, 208; 6. С. 192, 212]. Мы, как минимум, не имеем основания выделять старшего сына Юрия из среды других князей за жестокость. А если говорить о резне, учиненной в Устюге, – это не что иное, как мсть за попытку устюжан убить князя годом ранее [16. С. 148–149].

И, наконец, необходимо отметить упоминания об ослеплении Василия Косого. И в независимых, и в великокняжеских летописях присутствует простая констатация, так как будто осведомленным людям должно быть все понятно [5. С. 176; 6. С. 192; 8. С. 418; 9. С. 435]. Такая формула применялась в ситуациях, когда

у официальной версии событий нет аргументов, ее подерживающих. Указание на ослепление настолько смутное, что составитель Устюжского летописца, слясь найти хоть какое-то объяснение, увязал наказание с похищением вятчанами (союзниками Василия Юрьевича) князя Александра (служебного князя Василия II, потерпевшего поражение уже после пленения галицкого князя) [13. С. 78]. Это все вместе позволяет сделать предположение о том, что по меркам своего времени провинность Василия Косого не соответствовала тяжести примененного наказания.

Дмитрий Шемяка впервые появляется на страницах летописей в 1433 г. Как и его старший брат, он на данном этапе вполне лоялен к великому князю, и можно с уверенностью утверждать, что они находились в ссоре с отцом [11. С. 40–41]. Только упомянутое оскорбление на свадьбе князя Василия Васильевича заставило их примириться. В дальнейшем оба князя находятся в оппозиции двоюродному брату. Но если Василий Косой был намерен воевать до победы, то Дмитрий после смерти отца признал Василия II великим князем [5. С. 175; 6. С. 191]. В историографии присутствуют две основные точки зрения на такое решение Дмитрия Юрьевича Шемяки и Дмитрия Юрьевича Красного. Объясняется оно либо опасениями младших братьев относительно характера и возможных политических претензий старшего и тем, что они предпочли более слабого Василия II своему более могущественному брату [21. С. 71; 22. С. 49], либо непрочностью его положения в Москве [18. С. 763–764]. О характере Василия Юрьевича рассуждать невозможно по причине отсутствия информации, могущество же этого князя определялась землями, которые он вместе с братьями унаследовал от отца, т.е. он был могуществен ровно настолько, насколько его поддерживали братья. А.А. Зимин сам заметил по этому поводу: «Василий Косой попал в положение полководца без воинов: московские и, возможно, галицкие полки находились с его братьями и Василием Васильевичем» [21. С. 71].

Если абстрагироваться от априорной теории о двух противоборствующих принципах наследования великого княжения, то увидим, что младшие Юрьевичи просто соблюли принцип наследования, существовавший на тот момент. При этом союзниками Василия Васильевича в буквальном смысле их назвать нельзя. Дмитрий Шемяка явно не поддерживал ни одну из сторон. Лишь после его необоснованного ареста великим князем двор Шемяки присоединился к его старшему брату [5. С. 175; 6. С. 191–192]. Дмитрий Красный, по видимому, присоединился к великому князю только в 1436 г., после ареста Шемяки и перед последним сражением [5. С. 176; 6. С. 192].

Последующие девять лет Дмитрий Шемяка и пять лет Дмитрий Красный (до своей смерти) были лояльны к Василию II. Они руководили известным походом на Белев против Улу-Мухаммеда в 1437 г., а в 1439 г. по меньшей мере не дали повода для упреков. Великокняжеские летописи, описывая поход 1437 г., показали галицких князей в несколько двусмысленной ситуации. Их версия о грабежах, учиненных на русских землях войском под руководством двух Дмитриев Юрьевичей, вызывает ряд вопросов. Во-первых, неизвестно, были

ли эти грабежи в действительности. Часть летописей либо вообще молчит о походе [9, 10], либо ничего не говорит о грабежах [15. С. 240–241]. Во-вторых, средневековью вообще свойственна ситуация, когда войско кормилось за счет населения (по косвенным данным Никоновской летописи, грабеж имел место даже в 1380 г.), тем более, что Белевское княжество – это территория, не являвшаяся частью Московского княжества, хотя и зависевшая от него. В-третьих, М.М. Кром отметил, что белевские князья были лишены своего стола Василием Васильевичем в начале 1440-х гг. [23. С. 44–46]. Ну и, наконец, руководство войсками в лице Юрьевичей не означало, что в походе участвовали только люди галицких князей и не было ни одного человека великого князя.

Сама повесть «О белевском бою» имела цель скорее морализаторскую. Русские войска, численно превосходившие противника, были разбиты татарами. В этой связи автор рассуждал о наказании за гордыню и прочие грехи Руси [5. С. 189; 6. С. 193]. Обвинения в грабеже должны были, по-видимому, заострить тему греховности русских людей. Тень в данном случае падает и на Василия II как на великого князя. Если обратиться к обстоятельствам второго похода Улу-Мухаммеда на Русь, состоявшегося в 1439 г., то он застал всех князей врасплох: «Князь велики восхоте иди противу ему, но не поспе собратися, пошед же паки и видя мало своих, и взвратився идее за Волгу...» [5. С. 190; 6. С. 193]. Великий князь не проявил расторопности в данном вопросе, и предъявленные С.М. Соловьевым Дмитрию Шемяке обвинения в намеренном неучастии в отражении этого набега совершенно не обоснованы [20. С. 439].

Конфликт Василия Васильевича с Дмитрием Шемякой произошел лишь в 1441–1442 гг. и только по инициативе великого князя, пытавшегося захватить принадлежавший последнему Углич [13. С. 79; 15. С. 256; 16. С. 150–151]. Тот факт, что удельный князь получил поддержку Ивана Андреевича Можайского, находившегося до тех пор в мирных, если не дружественных отношениях с великим князем, указывает на несправедливость намерений Василия II по меркам этого времени. Победителем оказался Дмитрий Шемяка, и великого князя спасло только посредничество Зиновия, игумена Троицкого монастыря [13. С. 79; 15. С. 256; 16. С. 151]. Галицкий князь не только не выдвинул претензий на великое княжение, но и до начала 1445 г. содействовал Василию II, по крайней мере, в военных мероприятиях. В частности, зимой 1444/45 г. Дмитрий Шемяка участвовал в походе против татар Улу-Мухаммеда в числе других князей [5. С. 193; 6. С. 196]. Данное летописное известие дает основания полагать, что замысла свержения старшего (в генеалогическом смысле) родственника у галицкого князя не было. Как не было и стремления уклониться от выполнения своих перед ним обязанностей.

Ситуация изменилась к июлю 1445 г. Описание в летописях событий, связанных с Суздальской битвой, вызывает несколько вопросов. Дмитрию Юрьевичу историками вменялось в вину неучастие в битве: «А князь Дмитрией Шемяка и не пришесть ни полковъ своих не прислалъ» [5. С. 194; 6. С. 197; 20. С. 443; 24. С. 169]. На основании этого напрашивается вывод о

том, что именно он виновен в поражении. Однако нужно учитывать, что известия о битве, дошедшие до нас, созданы в правление Ивана III, и их цель – объяснить ситуацию тяжелую, если не сказать позорную. Попадание в плен Василия II Васильевича – исключительный случай. Нет ни одного другого великого князя, который имел бы такое пятно на репутации. Поэтому вина за поражение и плен великого князя перекладывается на будущего врага и не только на него. Летописи дают достаточно пространное объяснение: «и толико бяше ихъ с полторы тысячи, понеже бо всех князей полцы не успеха съвкупитися, ниже царевичю Бердедату неупевшу приити, ту бо ночь Юрьеве ночевал, а князь Дмитрией Шемяка и не пришесть, ни полковъ своих не прислалъ» [5. С. 194; 6. С. 197]. В этом объяснении неудач Василия II в борьбе с татарами нет ничего нового. Уже в 1439 г. он не смог противостоять Улу-Мухаммеду, поскольку «князь же великий хоте иди противу ему, но не поспе събратися, пошед же паки и видя мало своих и взвративсе идее за Волгу, а на Москве остави воеводу своего Юрья Патрекеевича с бесчисленным христиан множества» [5. С. 190; 6. С. 193]. В любом случае, в 1445 г. не пришел не только Шемяка, но и другие князья и служилые татары, на участие которых в битве также был расчет. Возникает вопрос о том, насколько основательна версия о намеренном поступке со стороны галицкого князя. Версия событий, изложенная в соборном послании русского духовенства галицкому князю, не может быть принята безоговорочно уже потому, что текст имеет явно выраженный полемический характер. Впрочем, если он и проявил нерасторопность намеренно, тому могли быть причиной неизвестные нам события января–июля 1445 г., что-то должно было заставить Дмитрия игнорировать татарское вторжение [25. № 19. С. 105].

Основным событием в истории Московского княжества в 1440-х гг., был, разумеется, заговор, направленный на лишение власти великого князя Василия. Здесь мы снова сталкиваемся с вопросом об изображении событий летописцами. Существует две летописных версии событий. Историкам известны обе, но фрагменты из них используются произвольно, за основу берется версия великокняжеская и в нее без комментариев механически помещаются обвинения заговорщиков Василию, при том, что эти обвинения исключают официальное объяснение заговора. В летописях времен Ивана III виновником безусловно назван Дмитрий Шемяка, распустивший слух о намерении Василия Васильевича отдать Русь Улу-Мухаммеду, а самому княжить в Твери. Именно он якобы привлек к заговору можайского и тверского князей, введя их в заблуждение [5. С. 196; 6. С. 200]. Единственная цель галицкого правителя – великое княжение.

Версия независимая указывает на равноправное участие Дмитрия Юрьевича Шемяки, Ивана Андреевича Можайского и Бориса Александровича Тверского в заговоре: «Тои зимы сдумавше 3 князя, князь Дмитрией Юрьевичъ, князь Иванъ Андреевичъ Можайский, князь великий Тферский Борисъ Александровичъ, изымаша князя великого Василия Васильевича Московского, ослепиша про сию вину...». Ему предъявили обвинение, противоречащее версии о слухе «чему еси татар

привел на русскую землю, и города дал еси им, и во-лости подавал еси в кормление? А татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, а злато и серебро и имение даешь татарам». Ну и наконец: «...а за тотъ гнев: ослепил бе брата Дмитрия Юрьевича князя Василиа» [9. С. 443]. Ослепление было скорее мстью, чем стремлением устранить соперника.

Дальнейшее повествование по Симеоновской и Вологодско-Пермской летописям указывает на то, что большинство служилых его признали: «...а прочие дети боярские и вси людие биша челом служити князю Дмитрию, и приведе и к крестному целованию всехъ. Один Федор Басенок не восхоте служити ему» [5. С. 199; 6. С. 202]. Речь идет о поддержке Шемяки в Москве со стороны бояр, гостей (крупных купцов) и части монахов [5. С. 196; 6. С. 202]. На этом фоне странно выглядит утверждение, что в это же время «вси людие негодоваху о княжении его, но и на самого мысляху». Очевидно, что в Литву бежали в основном князья: шурина Василия Василий Ярославич Серпуховской, Семен Иванович Оболенский и князья бояре Рязанские [5. С. 199, 200; 6. С. 202–204]. Их деятельность, оппозиционная по отношению к новому великому князю, не представляет собой ничего оригинального. Во-первых, бояре, недовольные своим положением при князе, могли «отъехать» от него, т.е. прекратить служить ему. Во-вторых, служилые люди, стремящиеся «вынять» своего князя из заточения, – норма для своего времени. В 1462 г. будет раскрыт заговор серпуховских детей боярских с целью выкрасть из тюрьмы своего господина, удельного серпуховского и борковского князя Василия Ярославича, без вины схваченного по приказу Василия II [5. С. 212, 215; 6. С. 217, 220; 15. С. 263, 276; 16. С. 155, 157].

Особое внимание летописцев и исследователей привлек вопрос о судьбе Василия Васильевича и его сыновей в правление в Москве князя Дмитрия. Как известно, Рязанские вывезли Ивана и Юрия в Муром, и Дмитрий Шемяка отправил туда епископа Рязанского Иону, поскольку город был в его епархии. Иона забрал «под свою епитрахиль» обоих княжичей и передал их новому великому князю, обещавшему дать ослепленному пленнику и его детям «отчину». Согласно летописям в начале мая Дмитрий Юрьевич отправил детей к отцу в Углич в заточение, в нарушение обязательств и лишь под давлением своего рода общественного мнения якобы согласился обещание выполнить [5. С. 199–200; 6. С. 203–204]. Версия принята всеми историками хотя бы потому, что другой версии не существует. Есть, однако, некоторое обстоятельство, позволяющее усомниться в официальной версии событий. В мае 1446 г. Дмитрий отправил Ивана и Юрия к отцу «в заточение», а уже в сентябре того же года произошло примирение князей, крестоцелование и выделение Василия II в удел Вологды [5. С. 199–201; 6. С. 203–205]. Четыре-пять месяцев прошли от обещания до его выполнения. Для неспешно жившего средневековья срок небольшой. Тем более что великому князю московскому Дмитрию Юрьевичу необходимо было решить вопрос о механизмах примирения, гарантиях соблюдения договора и определить «отчину» двоюродному брату и

племянникам, поскольку Коломна едва ли была подходящим вариантом в этом случае. Устюжский летописный свод указывает только на примирение князей-соперников и ничего не говорит о возмущении народа [13. С. 80]. Можно предположить, что наделение бывшего великого князя уделом было в планах самого Шемяки. Таким образом, можно говорить, что Дмитрий Шемяка свои обязательства выполнил, причем довольно быстро. Василий Васильевич свое целование нарушил еще быстрее. Легенда о коллективном снятии с Василия II греха клятвопреступления белозерской братией может быть поставлена под вопрос [13. С. 80; 15. С. 260; 16. 153]. Ни до, ни после 1446 г. такого рода услуг монахи князьям, даже великим, не оказывали, да князья, судя по политической практике, в этом не особенно нуждались. Примеров клятвопреступления среди русских князей довольно много. Настораживает и определенная оппозиционность белозерского летописания 60–70-х гг. XV в. Василию II и Ивану III [3. С. 61–62].

Приезд Василия Васильевича с семьей в Тверь и поддержка, оказанная Борисом Тверским, и сыграли роль в дальнейшей судьбе Дмитрия Юрьевича. Именно в Тверь, а не в Вологду или Кирилло-Белозерский монастырь скорее всего начали съезжаться служилые, недовольные правившим в это время великим князем [13. С. 81; 14. Стб. 493]. Устюжский летописный свод повествует об участии в борьбе с Дмитрием только эмигрантов и войск тверского великого князя. Бегство к освободившему себя от клятвы Василию Васильевичу служилых людей этот летописный свод не отметил [13. С. 80]. Слепой правитель Москвы действительно мог показаться более удобным и тверскому князю, и московским служилым людям, чем князь, полностью дееспособный. Кроме того, эмигранты, нашедшие убежище в Литве, хотели вынимать князя именно из тюрьмы, не зная о его освобождении.

Последующие события 1447–1450 гг. вполне могут быть названы традиционной борьбой за великое княжение, тем более, что благодаря прецеденту оба князя могли претендовать на этот статус. Но изображать галицкого князя в однозначно черном цвете нет оснований, как, впрочем, и наоборот. Оба князя действовали, не особенно выбирая средства и демонстрируя жестокость по отношению к противнику и мирному населению. Мирные соглашения на завершающем этапе конфликта нарушали и Дмитрий [5. С. 204; 6. С. 208] и Василий [5. С. 201, 205; 6. С. 205, 209; 12. Стб. 192]. Новгородский летописец при этом не видит между претендентами особой разницы, отрицательно оценивая деятельность обоих. «...Новгородци не вступишася ни по одному; а землю русскую остаток истратиша, межю собою браняшася», – утверждает летописец, повествуя о событиях конца 1446 г. [9. С. 444], когда Василий II бежал, нарушив крестоцелование, в Тверь.

Последний этап борьбы отчасти похож на войну Василия Косого в 1434–1436 гг. Шемяка пытался осесть на севере, на безопасном расстоянии от двоюродного брата, и по возможности получить помощь от тверского князя Бориса Александровича, которому на это раз нет уже причин вмешиваться в конфликт. Именно в это время одна из летописей новгородского происхождения, описывая события последнего этапа борьбы, восьмикратно называет Дмитрия Юрьевича

великим князем [12. Стб. 192–193], а при изложении событий 1456 г. (похода Василия II на Новгород) княгиня Шемяки названа «великой княгиней Софьей» [12. Стб. 196]. В связи с этим же походом Василий II дважды упомянут как «князь Василии Васильевич Низовский» [12. Стб. 195], видимо, намеренно не именуя его ни великим, ни владимирским. Следовательно, с точки зрения составителя летописи Авраамки, именно Дмитрий к началу 1450-х гг. оставался великим князем.

Смерть Дмитрия Юрьевича Шемяки оценок в летописании так же двояко, как и его деятельность, в зависимости от того, какая летопись отзывается об этом событии. Великокняжеские летописи говорят о «напрасной», т.е. нелепой смерти [5. С. 208; 6. С. 213]. Новгородские и псковские просто констатируют факт [9. С. 445; 11. С. 51]. Ермолинская и Львовская, содержащие в себе фрагменты северорусского, в том числе монастырского белозерского летописания, указывают на виновника смерти и на факт целенаправленного отравления [15. 261–262; 16. С. 155]. В частности, в Ермолинской говорится о том, что подьячий Беда, известный об этой смерти князя в церкви и ставший после этого дьяком, умер через непродолжительное время, как ему и прорекали «мнози люди» [15. С. 262; 16.

С. 155]. Впрочем, Дмитрий Шемяка и в великокняжеских, и в северно-русских летописях уравнивается со святыми князьями-мучениками Борисом и Глебом, на что обратил внимание Н.С. Борисов [5. С. 208; 6. С. 213; 15. С. 262; 16. С. 155; 22. С. 130].

Подводя итог, можно утверждать, что и коллективный образ так называемых галицких князей, и идея противостояния двух ветвей московского княжеского дома, и тем более оценки каждого из князей лично нуждаются в переосмыслении. Бросается в глаза тот факт, что даже великокняжеские летописи не позволяют давать им однозначные оценки, и многие известия, породившие негативные характеристики «галицких князей», имели своей целью донести до читателя-современника совсем иную информацию, нежели сформулировали в своих трудах историки XIX в. и развили исследователи в XX в. Неясным остается и вопрос о великокняжеском статусе князей – претендентов на великое княжение. Разные летописи называют великими разных князей в одно и то же время. Особое внимание обращают на себя северные летописи: псковские, новгородские, монастырские, созданные на территории Московского княжества. Именно известия, содержащиеся в них, нуждаются в дальнейшем исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918. VI. 458 с.
2. Приселков М.Д. История Русского летописания XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 325 с.
3. Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Дмитрий Буланин. 1994. 240 с.
4. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.: Наука, 1976. 282 с.
5. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 18: Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 316 с.
6. ПСРЛ. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 413 с.
7. ПСРЛ. Т. 27: Никаноровская летопись. Сокращенные своды конца XV века. М.: Языки славянской культуры, 2007. IX, 417, [1] с.
8. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 [14] с.
9. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Новгородская IV летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 686, [4] с.
10. ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская I летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. I–VIII, 581, [1] с.
11. Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. [LXII] 146 с.
12. ПСРЛ. Т. 16. Летописный список, именуемый летописью Авраамки. М.: Языки русской культуры, 2000. I–XII, 240 с.
13. Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 127 с.
14. ПСРЛ. Т. 15. Тверской летописный сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 540 с.
15. ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. Львовская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. [IV] 420 с.
16. ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2004. 239 [1].
17. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей / Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1950.
18. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и социально-политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.
19. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 584 с.
20. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 18 кн. М.: Голос, 1993. Кн. 2. 768 с.
21. Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV века. М.: Наука, 1991. 286 с.
22. Борисов Н.С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2003. 644 с.
23. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М.: Археологический центр, 1995. 304 с.
24. Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Наука, 1992. Т. IV. 478 с.; 1993. Т. V. 560 с.
25. Русский феодальный архив. М., 1986. Вып. 1. 219 [1] с.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 марта 2011 г.